

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА
ВОРОНЕЖСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕЙ «ОТТЕПЕЛИ»
THE HISTORICAL PROSE BY
VORONEZH WRITERS OF THE EARLY «THAW PERIOD»**

Попов А.С., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет имени
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Popov A.S., lecturer

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах рассматриваются произведения воронежских писателей ранней «оттепели», обращавшихся в своих творениях к исторической тематике. Творчество Николая Задонского, Владимира Кораблинова, Сергея Глебова, Дементьева и Валентина Ющенко направлено на описание различных фактов, связанных с историей Воронежа и Воронежской области.

Abstract: The theses consider the works of Voronezh writers of the early "thaw", who turned to historical themes in their works. The works of Nikolai Zadonsky, Vladimir Korablinov, Sergey Glebov, Dementiev and Valentin Yushchenko are aimed at describing various facts related to the history of Voronezh and the Voronezh region.

Ключевые слова: советская литература 1950-х гг, Воронежская литература, историческая проза, «оттепель», краеведение, Николай Задонский, Владимир Кораблинов.

Keywords: soviet literature of the 1950s, Voronezh literature, historical prose, "thaw", local history, Nikolai Zadonsky, Vladimir Korablinov.

Исследуя воронежскую литературу периода ранней «оттепели», опираемся на работы исследователей и краеведов, занимавшихся изучением творчества воронежских писателей. В рамках данного направления целесообразно обратиться к исторической прозе, представленной, в частности, произведениями Николая Задонского (1900-1974).

Николай. Задонский в основном работал в жанре исторического романа; ярким примером служит его повесть «Смутная пора» (1954), в которой отражены события начала XVIII в. в истории Российского государства. Произведение привлекает прежде всего стремлением к исторической достоверности: автор воспроизводит общественно-политическую и бытовую обстановку эпохи.

Тема народа занимает центральное место в повествовании: хотя сцены, посвящённые жизни и освободительной борьбе крестьян и казаков, занимают меньше пространства, чем политические интриги и личные драмы, народ присутствует в ключевых эпизодах и оказывает существенное влияние на развитие событий. Как отмечает З. Анчиполовский, «хотя сценам, посвящённым жизни и освободительной борьбе крестьян и казаков, уделено гораздо меньше

места, чем политическим делам того самого смутного времени, интригам Мазепы, его роману с Матрёной Кочубей, народ присутствует и говорит своё слово во всех важнейших моментах повествования. О народе спорят, о нём думают, его любят или ненавидят, в него верят или его боятся различные персонажи книги» [1, с. 189]. Это обстоятельство позволяет рассматривать «Смутную пору» как произведение, ориентированное не только на реконструкцию исторических событий, но и на осмысление народной позиции в период смуты.

Следуя законам исторической прозы, Н. Задонский вводит в повествование ретроспективные эпизоды, описывающие события, предшествующие основному действию. Автор чётко фиксирует характерные черты центральных фигур – в частности, двоедушие и лицемерие И. Мазепы, проявившиеся в распространении слухов и интриг.

Монументальной в творчестве Задонского является книга «Денис Давыдов» (написание которой относится к периоду 1944-1956 гг.). Произведение представляет собой биографо-историческую реконструкцию жизни поэта-партизана Дениса Давыдова и последовательно прослеживает его превращение от юноши, мечтающего о фронте, через офицерский этап до организатора партизанского движения 1812 года. В тексте отчётливо проявляются бесстрашие и организаторские способности главного героя; благодаря его действиям отражены победные эпизоды под Ляховом и под Красным. Задонский опирается на широкий корпус источников, включая многочисленные архивные материалы, и детально реконструирует эпоху, что позволяет автору представлять не только известные факты, но и ряд малоизвестных или ранее не акцентированных сведений. В книге также заметно отношение военных кругов к реформам прусского образца и критическое отношение ряда военачальников (Багратион, Кутузов, Раевский, Кульнев, Ермолов) к этим тенденциям; одновременно подчеркнута настороженность Александра I в отношении деятельности поэта-партизана.

Историческая хроника «Жизнь Муравьёва» содержит материалы, представляющие самостоятельную научную ценность: при подготовке книги были использованы ранее не публиковавшиеся документы – письма и дневники Н. Муравьёва. Основные события охватывают период 1816-1826 гг.; в это время Муравьёв служил на Кавказе, участвовал в разведывательных операциях, знакомится с А.С. Грибоедовым и способствует созданию филиалов тайных юношеских обществ на Кавказе.

В совокупности эти произведения демонстрируют две важные черты творчества Задонского: приверженность источниковой аргументации и стремление к воссозданию социокультурного контекста эпохи посредством языковых и композиционных средств. Это обеспечивает их ценность как для литературоведческих, так и для историко-краеведческих исследований.

Рассмотрим творчество В.И. Кораблинова (1906-1989) и локальную краеведческую публикацию С.П. Глебова (1902-1954) с целью выявления их вклада в воронежскую литературную и историко-краеведческую традиции.

В.И. Кораблинов входил в круг общения с Андреем Платоновым, Б.В. Пильняком и В.В. Маяковским. В 1956 г. он опубликовал роман «Жизнь Кольцова», посвящённый биографическому и художественно реконструированному повествованию о воронежском поэте-парасоле Алексее Кольцове. В романе воссоздана тяжёлая социально-экономическая

реальность крестьянского быта XIX в., которая, по замыслу автора, формировала поэтическое вдохновение молодого Кольцова. Центром сюжетной линии является драматическое чувство поэта: насильственное разлучение с возлюбленной Дуняшей по воле отца Василия Петровича, длительные поиски, обнаружение лишь могильного холмика – эти мотивы закрепляют образ Дуняши как долговременного эмоционального впечатления в жизни героя. Текст Кораблинова также представляет широкую картину общественной жизни века, позволяя получать сведения о быте и нравах эпохи.

Композиционно и психологически роман показывает разнообразные душевные состояния А. Кольцова: размышления и скорбь по несчастной любви, сопротивление семейному давлению; одновременно автор вводит позитивную фигуру А.С. Пушкина как друга и наставника, что служит контрапунктом к тёмным сторонам сюжета. Важным элементом рецепции произведения стала иллюстративно-публицистическая поддержка: московское издание было оформлено обложкой художника О. Коровина, «создавшего своего Кольцова, близкого и понятного широким читательским кругам» [6]. Роман получил театральную и кинематографическую адаптации: в 1958 г. по пьесе был поставлен спектакль на сцене Воронежского государственного академического театра драмы имени Кольцова, в 1959 г. по сценарию автора вышел фильм «Песня о Кольцове» (реж. В. Герасимов). Эти факты свидетельствуют о высокой общественно-культурной значимости произведения и его востребованности в послевоенное десятилетие.

Краеведческая публикация С.П. Глебова «Легенда и быль» посвящена источниковой критике легендарных представлений о происхождении города Борисоглебска. Автор ставит под сомнение распространённые хронологические представления: хотя датой основания часто называли 1698 г., в ряде источников встречаются и иные, по сути, ошибочные, даты, возникшие, по Глебову, вследствие некорректных действий административных чиновников екатерининской эпохи (например, фиктивное отнесение образования Усмани к 1645 г.). К началу XIX в. в исследовательской традиции встречалась и дата 1779 г., а неверные даты тиражировались из издания в издание. Глебов отмечает, что развитие Борисоглебского – Новохопёрского района в XVII-XVIII вв. следует рассматривать в контексте оборонной политики Московского государства и расширения донского казачества в низовьях Дона; в результате вдоль реки Хопёр формировались казачьи поселения (в 1649 г. их насчитывалось четыре, в 1672 г. – восемь). На основании анализа документов Глебов делает вывод о том, что исторические источники не подтверждают существование Борисоглебска до 1703 г., а версия о том, что именно там была учреждена верфь для сооружения Азовского флота, по его оценке, относится к разряду легенд [2, с. 221].

Рассмотрим ряд произведений и публикаций, непосредственно посвящённых Воронежу и его культурно-историческому наследию, с целью оценки их источниковой ценности и репрезентации городского пространства в региональной литературе.

Ю. Дементьев в очерке «Очерк о нашем городе» (1955) реконструирует ключевые этапы истории Воронежа и подчёркивает его роль как сторожевого поста Московского государства в отражении набегов крымских и ногайских татар. Особое внимание в работе уделено 1695 году, когда по указу Петра I в Воронеже началось построение военного флота; выбор города объясняется наличием близлежащих дубовых лесов и работой липецкого

металлургического завода, что, по мнению автора, способствовало преобразованию городской среды. Дементьев также фиксирует участие бедняков Воронежа в крестьянском движении Степана Разина (в том числе в отряде Фрола Разина, захватившего Острогожск). В освещении XX в. отмечаются многократные переходы власти в Воронеже в 1918-1919 гг. и масштабные разрушения города в Великой Отечественной войне (около 95% застройки; ущерб свыше 6 млрд рублей). Помимо историко-политических сведений, очерк затрагивает и культурную жизнь города: в частности, отмечается театральная популярность актёров Аркадия Полякова и Сергея Папова [4].

В. Ющенко в книге «Юность Анатолия Дурова» (1957) представляет очерк-биографию, посвящённую одному из заметных образов воронежской локальной культуры – усадьбе и творчеству дрессировщика А.Н. Дурова. Автор реконструирует обстоятельства возвращения Дурова в Воронеж после пожара зверинца в Кишинёве, подчёркивает его физическое ослабление и далее анализирует инновационные методы дрессировки и эмоциональное отношение артиста к животным, которые, по Ющенко, обусловили становление нового жанра русского циркового искусства. Текст несёт как биографическую, так и жанровую рефлексию о вкладе локального артиста в общерусскую культуру.

Вопрос жанровой классификации локальной прозы иллюстрируется на примере оценки произведения Б. Дальнего. Сам автор называет его повестью; В. Ющенко, однако, высказывает другую точку зрения: по его мнению, произведение ближе к очерку по форме и замыслу, и при всём доброжелательном отношении «писатель не использовал всех возможностей, которые содержит повествование. Он создал добротный очерк – полезный и нужный»; Ющенко рекомендует эту книгу к детскому чтению [7]. Эта полемика указывает на необходимость внимательной жанровой критики при включении региональных текстов в исследовательский корпус.

Наконец, ряд известных русских писателей и поэтов посещал Воронеж; среди них – А.П. Чехов. В биографических сведениях отмечается родословная связь Чехова с Острогожским уездом: после выкупа семьи из крепостной зависимости у графа Черткова Е. М. Чехов расселил родственников по разным местам (отец – в Таганрог, Михаил – в Калугу, Митрофан – в Ростов-на-Дону, дочь – в Богучарский уезд), что следует учитывать при реконструкции кругов региональной мобильности и культурных связей конца XVIII-XIX вв.

Собранные тексты репрезентуют широкий спектр исследовательских и художественных подходов к Воронежу: от источниково-ориентированных исторических очерков и биографических реконструкций до жанровых диспутов, важность которых заключается в их способности проливать свет на локальную социальную историю, культурные практики и процессы рецепции. Эти материалы представляют ценность как для литературоведческих исследований, так и для историко-краеведческих дисциплин.

Приведём факты о контактах центральных российских литераторов с Воронежем и их значении для локальной культурной жизни.

А.П. Чехов посетил Воронеж впервые 2 февраля 1892 г., прибыв вместе с журналистом А.Н. Сувориным на почтовом поезде. Целью поездки была благотворительная помощь голодающему населению: по свидетельству автора, «голод газетами не преувеличен» [3, с. 169]. Чехов остановился в тогдашней Центральной гостинице (совр. просп. Революции) и

посетил городской театр, где смотрел водевиль «Медведь». 8 февраля 1892 г. он выезжал в село Хреновое (Бобровский уезд), где констатировал бедственное положение: у половины жителей не было лошадей; аналогичная картина наблюдалась и в Боброве. Подводя итоги поездки, Чехов охарактеризовал её как «бесполезную», отметив при этом получение «немало интересных впечатлений» [3, с. 169]. Данные обстоятельства свидетельствуют о практическом интересе писателя к социальным проблемам региона и о внимании к локальной повседневности, что важно для реконструкции общественно-социального фона конца XIX в.

В.В. Маяковский приезжал в Воронеж осенью 1926 г. для проведения творческого вечера. Поэта встречала делегация молодых поэтов, в числе которых был В.И. Кораблинов; инициаторами контакта оказались также молодые литераторы, в частности Н. Логофет, сумевшая обнаружить Маяковского в гостинице. Вечер проходил в театре; в ходе представления поэту передавались записки с вопросами, на которые он отвечал, а после выступления Маяковский выполнил обещание прослушать стихи молодых авторов и дать им советы, в том числе Кораблинову. Время провожания поэта по городским улицам описано как прогулка в мелкий осенний дождь, сопровождавшаяся впечатляющей сценографией городского пространства (цитата описания приводится в источнике) [5, с. 148]. Зафиксированные эпизоды демонстрируют прямое взаимодействие «центральных» авторов с региональной творческой средой и механизм передачи литературных практик и эстетических установок.

Описанные визиты отражают две важные стороны культурной жизни Воронежа: во-первых, непосредственное участие общеизвестных литераторов в локальных социальных и культурных событиях (благотворительность, театральные представления); во-вторых, функционирование Воронежа как площадки для диалога между мастерами и молодыми авторами, что способствовало передаче литературных традиций и стимулировало местные творческие инициативы. В совокупности эти факты подтверждают, что воронежская проза периода ранней «оттепели» представлена разножанровыми практиками и характеризуется как заимствованием традиций центральной литературы, так и внедрением местных инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчиполовский З. Страницы прошлого // Литературный Воронеж. – 1954. – № 34. – С. 184–192.
2. Глебов С. Легенда и быль // Литературный Воронеж. – 1956. – № 38. – С. 211–224. – С. 221.
3. Грибанов М. Чехов в Воронеже // Подъём. – 1958. – № 4. – С. 166–169.
4. Дементьев Ю. Очерк о нашем городе // Коммуна. – 1955. – 25 января.
5. Кораблинов В. Маяковский в Воронеже // Подъём. – 1959. – № 2. – С. 142–148.
6. Ющенко В. Роман о поэте-земляке // Молодой коммунар. – 1956. – 28 марта.
7. Ющенко В. Юность Анатолия Дурова // Молодой коммунар. – 1957. – 7 августа.

REFERENCES

1. Anchipolovsky Z. Pages of the past // Literary Voronezh. – 1954. – No. 34. – Pp. 184–192.

2. Glebov S. Legend and past // Literary Voronezh. – 1956. – No. 38. – Pp. 211–224.
3. Gribanov M. Chekhov in Voronezh // Rise. – 1958. – No. 4. – Pp. 166–169.
4. Dementiev Yu. An essay about our city // Commune. – 1955. – January 25.
5. Korablinov V. Mayakovsky in Voronezh // Rise. – 1959. – No. 2. – Pp. 142–148.
6. Yushchenko V. Novel about a poet-countryman // Young communard. – 1956. –

March 28.

7. Yushchenko V. The youth of Anatoly Durov // Young commune. – 1957. – August 7.